

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

VICTIMIZATION BEHAVIOR: RESEARCH PERSPECTIVES AND PRACTICAL RESULTS

M. Arpentieva

Summary. Victimization behavior in the present, explicitly or implicitly, but is often socially approved. «Little man» is required to be submissive and obedient, to sacrifice themselves in the interests of society and a stronger, personal and socially Mature, more high status «master».

Such situations occur in everyday life (at the level of family relations), but also in a professional field (work). Therefore, the issues victimage of behavior in modern society are quite popular and require further study

Keywords: victimization, sacrifice, obedience, violence, stress.

Арпентьева Мария Равильевна

Д.псх.н., доцент, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
mariam_rav@mail.ru

Аннотация. Виктимное поведение в настоящее время явно или неявно, но является достаточно часто социально одобряемым. «Маленькому человеку» предписывается быть покорным и послушным, жертвовать собой в интересах общества и более сильного, лично и социально зрелого, более высокостатусного «господина».

Подобные ситуации имеют место быть как в быту (на уровне семейных отношений), а также и на профессиональном поприще (работе). Поэтому вопросы виктимного поведения в современном обществе достаточно востребованы и требуют дальнейшего изучения

Ключевые слова: виктимное поведение, жертва, послушание, покорность, насилие, стрессовая реакция.

В настоящее время выделяют четыре основные формы насилия или жестокого обращения (Бекоева Д.Д., 1997, Меньшикова Е.С., 1993, Florence W., 1990, Kerrie J., MacKinnon L., 1990, Trepper T.S., Barrett M.J., 1986).

Под физическим насилием понимается преднамеренное нанесение физических повреждений человеку или ребенку окружающими, родителями, или лицами ответственными за воспитание ребенка. Эти повреждения могут привести к смерти, вызвать серьезные (требующие медицинской помощи нарушения физического, психического здоровья и отставание в развитии).

Физическое насилие распознается по особенностям внешнего вида и характеру травм: на теле или на голове: синяки, ссадины, раны, следы от прижигания предметами, горячими жидкостями, сигаретами или от ударов ремнем: повреждения внутренних органов или костей травматического характера.

Сексуальное насилие или развращение связано с вовлечением ребенка, человека с его согласия или без такового, осознаваемое или неосознаваемое им в силу функциональной незрелости или других причин в сексуальные действия с целью получения последними удовлетворения или выгоды.

Растлением признается не только собственно половой акт, но и широкий спектр других сексуальных действий. К ним юристы относят:

1. мануальный, оральный, генитальный или любой другой контакт с половыми органами ребенка, а также ласки эротических зон;
2. сексуальную эксплуатацию для порнографических целей или вовлечение в проституцию;
3. несоответствующие возрасту домогательства, демонстрация эротических материалов с целью стимуляции;
4. обоюдная и односторонняя мастурбация;
5. эксгибиционизм — демонстрация обнаженных гениталий, груди или ягодиц перед другим человеком;
6. вуаеризм — подглядывание в момент купания, переодевания или пребывания в туалете, а также принуждение к раздеванию.

Под психическим (эмоциональным) насилием понимается периодическое, длительное или постоянное психическое воздействие на другого человека к формированию у него патологических черт характера или тормозящее развитие личности.

К психическому насилию относятся:

1. открытое неприятие и постоянная критика,
2. оскорбление и унижение его достоинства.
3. угрозы в адрес другого человека, проявляющиеся в словесной форме без физического насилия.
4. преднамеренная физическая и социальная изоляция другого человека,
5. предъявление к нему чрезмерных требований не соответствующих возрасту или его возможностям,

6. ложь и невыполнение взрослыми обещаний.
7. однократное грубое психическое воздействие, вызвавшее у другого человека психическую травму.

Моральная жестокость или пренебрежение нуждами другого человека, например, ребенка обусловлена отсутствием со стороны родителей или лиц, их заменяющих элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушаются его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью и развитию.

Это может быть связано с непредумышленным недостатком заботы о ребенке следствием болезни, бедности, неопытности родителей или их невежества, следствием стихийных бедствий или межнациональных конфликтов. У детей отсутствует адекватная возрасту и потребностям ребенка питание, одежда, жилье, образование, медицинская помощь, включая отказ от его лечения.

Для описания посттравматической стрессовой реакции, возникающей в результате многих насильственных контактов в разное время использовались понятия «невроз несчастного случая», «компенсаторная истерия», «травматическая неврастения» и т.д. Насилие часто вызывает задержку физического и умственного развития, невротические реакции, различные соматические заболевания (ожирение, резкая потеря массы тела, язва желудка, кожные заболевания, аллергическая патология), поведение характеризуется беспокойством, тревожностью, типичны нарушения сна, длительно сохраняющееся подавленное состояние, агрессивность, склонность к уединению, чрезмерная уступчивость, заискивающее, угодливое поведение, угрозы или попытки к самоубийству, неумение общаться, налаживать отношения с другими людьми, низкая самооценка, нарушение аппетита и др.

При этом в ситуации интимных, межличностных отношений превозносится и идеализируется жертвенное поведение женщин. В ситуации делового взаимодействия — умение подчиняться (не рассуждая, сразу) приказам у мужчин.

Существует и другая тенденция. Так, обычно в межличностных отношениях в роли преследователя чаще всего выступает женщина, стремящаяся к максимально-му сокращению межличностной дистанции, максимальной степени близости.

В сфере сексуальных отношений до последнего времени преследователем обычно был мужчина. Но сейчас положение существенно изменилось. В России мужчине интересуют не столько секс, сколько необходимость найти более или менее достойно оплачиваемую работу, наесться самому и прокормить семью, не потеряв при этом со своего места. В результате нарастающих процес-

сов женской эмансипации мужчине становится все труднее убедить себя в собственной силе, мужественности и компетентности. Неудачи самореализации в сфере социальных отношений превращаются в неудачи межличностных и интимных отношений. В отличие от женщин, изначально живущих под гнетом многочисленных «ты должна», способность мужчины: существа, считающего себя свободным, — выдерживать социальное давление крайне низка.

Однако опыт пребывания в позиции «жертвы» может быть и конструктивным: делает человека готовым противостоять неприятностям и сложностям судьбы. «Отличников», людей, не знавших в жизни ни одного поражения, ни одной болезни, жизнь часто ломает быстрее и наверняка.

Таким образом, становится очевидным, что многие из обыденных мифов о насилии и жертвах в частности, касаются взаимоотношений мужчин и женщин.

Описывая психологию женщины и ее взаимоотношения с мужчиной, известный отечественный психотерапевт и ученый, А.С. Спиваковская (1999) фиксирует внимание на двух взаимосвязанных понятиях: базальное материнское внушение и психология мести.

Важной проблемой, в которой, во многом, как в зеркале отражаются все проблемы психологии насилия вообще, является проблема жестокого обращения с детьми. Психологи, например, Бекоева Д.Д. (1997), Ташева А.И. и Зеленская С.Ю. (1996) отмечают, что «жестокое обращение с детьми превратилось в обычное явление, к которому привыкли и с которым многие примирились».

- ◆ Как правило, причины жестокого обращения с детьми связываются с традициями патриархального воспитания, и рекомендациями «сечь чадо, пока оно лежит поперек лавки, потому что, когда оно будет лежать вдоль лавки, уже будет поздно», и закрепленными стереотипами воспитания, когда метод внушения заменяется методом порки.
- ◆ Вторая причина — связана с культивируемым в течение последних лет культом жестокости и роста взаимной жестокости, и вкладом в этот процесс средств массовой информации.
- ◆ Третья, причина — это низкий уровень общей, правовой и педагогической культуры общества, и распространение стереотипов в общественном мнении согласно которым вопреки Конвенции о правах ребенка, ребенок является объектом воздействия, а не субъектом взаимодействия. Наконец, не многие семьи, имеющие детей, считают что ребенок имеет честь и достоинство, которые следует уважать.

- ◆ Нельзя не назвать и такую социально-педагогическую причину, как бессилие в достижении позитивных воспитательных целей. Многие ученые связывают его с многократным умножением в среде населения лиц со сниженными умственными способностями.
- ◆ Мотивация жестокого обращения с детьми часто связывается с мотивацией изменить поведение детей, чего бы это ни стоило. Порой ребенку мстят за то, что он родился, что о нем приходится заботиться, что он приносит только огорчения, что он чего-то просит или требует.
- ◆ Среди мотивов жестокого обращения с детьми выделяется также мотив, связанный с разрядкой на более слабых членах семьи от бытового стресса, вызванного внешней ситуацией — в магазине, транспорте, на производстве, каскадом жестоких фильмов в СМИ.
- ◆ Наряду с этими мотивами в последнее время усиливается мотив жестокости как самоцели. Садистское избиение происходит ради избиения, человек получает удовольствие от самого факта издевательства над ближним.

Аналогичным образом может быть описаны и насильственные отношения в паре «начальник-подчиненный». В деловых отношениях мы также встречаемся с насилием. В данном случае обычной жертвой выступает подчиненный, преследователем — его начальник. В отличие от пары «женщина-мужчина» отношение к членам пары «начальник-подчиненный» более неоднозначно. Подчиненный, по сравнению с женщиной, обладает и некоторыми позитивными характеристиками. Однако и его можно «скорее пожалеть», чем уважать». Особенно неоднозначной становится ситуация в отношении замов — «вечно вторых» заместителей своих директоров: чего не хватает заму, чтобы стать «главным»?

Для этих отношений «начальник-подчиненный», в противоположность двум предыдущим парам: «женщина-мужчина» и «ребенок-взрослый», — актуальной является не столько проблема провоцирования агрессии, сколько умение подчиненных управлять своим шефом. Часто обсуждаемой темой разговоров и всем известным секретом является умение жертвы (женщины, подчиненного) «вертеть» преследователем. Наиболее известными тактиками здесь являются «казанская сирота» и «неумеха». Эти тактики эксплуатируют потребность преследователя в контроле над ситуацией. Если жертва выглядит совсем уж обескровленной и обессиленной, лишенной каких-бы то ни было способностей, преследователь вынужден взять выполнение части ее обязанностей на себя. Эти тактики могут использоваться «жертвой» как сознательно, так и бессознательно.

В случае сознательного использования «жертвой» этих способов управления «преследователем» мы имеем дело с тем, что психологи часто истолковывают как свидетельство обратимости отношений «хозяин-раб». В обыденном сознании мы встречаемся с идеей провокации, «введения в искушения» и т.д. При этом «слабая женщина» по мере развития отношений превращается в «ведьму», которую мужчина боится, хочет покорить и уничтожить. Однако, как бы он этого не хотел, — заранее обречен на провал.

Самым ярким феноменом виктимного поведения в этом случае является известный феномен «еврейская мать». Еврейская мать живет, по ее словам, чтобы Вам было хорошо. Когда вы собираетесь к друзьям, у нее в очередной раз наступает приступ одной из ее многочисленных болезней. Но, конечно же, — говорит она, Вы должны пойти к друзьям. Вам вовсе не нужно сидеть с нею. Она обойдется без вас (в этот момент ее лицо искажает страшная гримаса боли). В итоге все может кончиться и вовсе забавно: ваша мать переживет вас на несколько десятков лет.

В случае неосознанного использования способов управления преследователем, мы часто встречаемся с тем, что виктимное поведение человека не исчерпывается ситуативной ролью, иногда человек играет «жертву обстоятельств» практически всю жизнь. Его вербальное и невербальное поведение служит одному: трансляции собственной неспособности и нежелания отвечать за свою собственную судьбу, предчувствие неуспеха и неудачи. Приходя на собеседование человек, имеющий жизненный сценарий жертвы, часто ведет себя излишне заискивающе, транслирует обреченность.

Таким образом, виктимное поведение иногда является агрессивным: направленным на подавление и контроль за поведением и переживаниями других людей. Иногда — уаггрессивным: направленным на разрушение человеком самого себя.

Агрессивное и ауаггрессивное (поведение человека связано с целым комплексом коммуникативных и познавательных установок):

- 1) особым способом восприятия межличностных отношений и ситуаций (как угрожающих и враждебных),
- 2) определенным (низким) уровнем коммуникативной компетентности, такого ее значимого компонента как эмпатия.

Поведение жертвы, саморазрушительный характер ее поведения, часто субъективно соотносится ею с тенденцией почти противоположной — стремлением к жизни. Известной иллюстрацией этого феномена

служит психоанализ. «Эдипов комплекс», «комплекс Электры» и т. п. заставляют субъекта искать и выбирать себе в друзья, знакомые, супруги и сослуживцы лиц, похожих на их тиранов-отцов или тиранов-матерей.

Извращенное стремление к защищенности заставляет человека-жертву выбирать себе в «защитников» тиранов. Их поведение для жертвы никогда не будет неожиданным, и потому — пугающим. Испугать жертву может любовь, нежность, доброта.

Эта научная версия проблемы виктимного поведения вполне согласуется с той, что бытует в обыденных представлениях социальных субъектов (Васильев В.Л., 1991, Криминалистика, 1993 и др.)

Другая версия — практически мало разработанная — направлена на разработку сценариев эффективной помощи жертвам насилия, ознакомление жертвы с простейшими приемами профилактики и защиты от нападений.

В современной России преуспевающему руководителю часто рекомендуют иметь телохранителя. Однако те, кто их завел, сталкиваются с целым рядом проблем, основной причиной которых становится значительное ограничение своей личной свободы, возможности попытаться одному и, часто, самостоятельно выбрать маршруты и время своего передвижения.

Другой проблемой является попытка ряда «хозяев» превратить телохранителя (спасителя) в слугу (жертву): «для экономии» или по ряду других причин заставить телохранителя выполнять выходящие за рамки его профессиональной деятельности и подчас унижающие профессиональное достоинство приказы или «просьбы». Насколько деструктивна такая тактика — вполне очевидно: когда-нибудь от этого человека будет зависеть ваша жизнь, захочет ли он ее действительно защитить?

Д. Финкельхор и А. Браун (по Кравцова О.А., 1999, Ташева А.Н., 1996) предлагают модель травмы, которую получает жертва в результате насильственного контакта с преследователем. Эта модель, созданная на основе анализа многочисленных опросов, интервью и обследований жертв сексуального злоупотребления, с успехом может быть распространена и на обыденные повседневные профессиональные и межличностные отношения.

Итак, предлагаемая ими модель травмы содержит четыре компонента: травматическая сексуализация (дисфункция), предательство, бессилие и клеймо бесчестия.

1. Травматическая дисфункция предполагает нарушение естественного хода личностного развития человека

в той области, которую в наибольшей степени затронул факт насилия. Возникает неадекватное поведение, развивается склонность манипулировать окружающими, направленная на получение привилегий и даров.

2. Предательство — чувство возникает не только по отношению к насильнику, но и по отношению к близким людям, другим участникам ситуации насилия («наблюдателям») которые не смогли или не захотели защитить человека от насилия. Возрастает или уменьшается степень потребности в доверительных отношениях, часто исчезает способность доверять людям.

Рождаются:

- а) гнев, агрессия, стремление отомстить или защититься от возможных ситуаций насилия в будущем, или
- б) возникает депрессивное состояние, стремление к самоизоляции, избегание близких отношений. Либо потребность в доверительных отношениях несколько увеличивается.

3. Чувство бессилия — результат вторжения в личное пространство, внутренний мир или тело человека помимо их воли, без разрешения. Бессилие порождает страх и тревогу разного уровня глубины, либо, напротив, вызывает желание контролировать и доминировать в общении с другими людьми. О последнем случае часто говорят как об одном из основных источников возникновения преследователей-маньяков.

4. Ощущение клейма передается жертве насильником, внутренне переживая как чувство самоуничтожения, вины, стыда. Этим переживаниям способствует атмосфера секретности, на которой настаивает злоупотребитель, а также изначальное знание о запретности самой темы социального или сексуального насилия в общественном сознании. Самоощущение «испорченным товаром» подпитывается ошибочным представлением об уникальности изнасилования как социального события: его «ненормальности», исключительности.

Другой исследователь, Р. Янофф-Булман (Janoff-Bulman R, 1989), изучая изменение содержания мира убеждений человека после травматического события заключила, что наиболее часто возникающее у переживших экстремальный негативный опыт чувство — это уязвимость, незащищенность. Чувство незащищенности уменьшает веру человека в благосклонность и дружелюбность мира, окружающих людей. Ставится под удар представление об осмысленности человеческой жизни, окружающего мира. Человек начинает сомневаться в ценности собственного «Я». Пережитый опыт не укладывается в рамки привычных представлений и угрожает стабильности и связности субъективного мира.

Попытки интеграции травматического опыта чаще всего связаны с тремя реакциями:

- 1) самообвинением (поведенческим, менее опасным и легче поддающимся коррекции, и характерологическим, сопровождающимся снижением самооценки и отрицанием способности что-либо изменить),
- 2) отрицание (максимум которого приходится после фазы шока, опыт еще далек от ассимиляции),
- 3) повторяющиеся навязчивые мысли о событии служат индикатором процесса переработки травматического опыта.

Выздоровление считается успешным, если жертва способна вспомнить и отвлечься от травматического события по собственному желанию.

Другой проблемой, с которой сталкивается жертва, является ее и общественное убеждение о том, что мир, в котором она живет — справедлив (В. Лернер (ibid. Sears D. et al., 1991, Philipchalk R., 1995, Myers D., 1993)).

Вера в справедливость мира заставляет жертву считать, что жертва заслужила то, как с ней обращаются, что насильник, особенно если это человек хорошо знакомый, — имел право «воспитывать» жертву. Если же он зашел слишком далеко, то это произошло «случайно». Именно этот факт является одной из причиной такого удивительного для окружающих, не имеющих опыта насильственных отношений, факта, как нежелание жертвы покинуть насильника. Добавьте к этому всеобщую для российской культуры и модели воспитания в частности тенденцию подчеркивать негативные черты ребенка, неумение и нежелание многих людей видеть в человеке и ситуации что-то хорошее, хвалить, а не только сочувствовать горю, но и сорадоваться счастью человека.

В настоящее время довольно банальными и яркими иллюстрациями являются две ситуации:

- 1) «Крутой» новый русский остается практически безоруженным перед лицом самодовольной девицы, заявляющей ему, что все, чего он добился в жизни, его деньги, сила и т.д., — все это, говоря уж совсем мягко, — ерунда. Неважно, насколько действительно богат ее опыт манипулирования людьми и опыт жизни вообще. Даже лучше, если ее собственные достижения не совсем заметны невооруженным глазом: скандируемые ею реплики будут звучать увереннее и однозначнее. «Одна она осмелилась сказать мне горькую правду!» — восклицает он вслух (!) восхищенный. И заканчивает: «Какая женщина!» Потом он несколько лет одевает и кормит ее.
- 2) Новый русский берет в дом «отличницу» которой некуда особенно бежать и которая, как это часто бывает, сбежала от такого же тирана, как он сам,

в тщетной надежде освободиться. Что он ей говорит на второй день после свадьбы? Ну, конечно же знаменитое: «Ты кто такая есть? Ты думаешь, что твой красный диплом (золотая медаль, научная степень и т.д.) чего-то стоят?» Продолжительная пауза оформляется им же: «С этого дня будешь делать так, как я сказал». Все. Ловушка закрылась. Потом она несколько лет обеспечивает ему устойчиво стабильную самооценку.

Можно только удивляться тому, насколько жизнеспособны и длительны такие браки. Удивляться, если не понимаешь всей серьезности проблем, стоящих перед этими людьми. Каждый новый виток совместной жизни позволяет жертве все больше утвердиться в том, что ее страдания оправданы, и если не будет преследователя, некому будет «поставить ее на место» и «вернуть с облаков на землю» и просто-напросто обеспечить, забить гвоздь, покараулить, чтобы не дай бог не унесли, висящую на единственном болте входную дверь (Брурман В.И., и др., 1996, Ташева А.Н., 1996, Корнелиус Х., Фейр Ш., 1992, Лебедев Б.А., Дунаевский В.В., 1986 и др.).

Интересно, что в процессе организации серьезных деловых игр, направленных на создание программ развития той или иной организации, фирмы, программа может приводиться в действие и, в конце концов, просто обсуждаться только до тех пор, пока не появляется «рациональный» голос преследователя: «спуститесь с небес на землю». Преследователь заинтересован в консервации ситуации и стереотипизации того распределения ролей, которое позволяет удовлетворять его потребности в наибольшей степени. Поэтому причиной вспышек насилия служат часто не реальные основания и поводы, а простая «неудовлетворительность» поведения и особенностей ребенка, женщины, подчиненного. Преследователь заинтересован в том, чтобы сделать насилие, драки, характерной манерой поведения в семье и/или на работе. Здесь мы встречаемся с двумя основными тенденциями:

а) стремление насильника «легитимизировать» насилие, сделав его обычным. При этом вспышки насилия имеют довольно ровный по силе проявления характер, перемежаясь фрагментами попыток «искупления». В этом случае насильник «выучивает» жертву агрессивному поведению, рано или поздно рискуя сам выступить в роли униженного и оскорбляемого.

б) В ситуациях, когда дело доходит до уголовного преследования часто имеет место другой тип. Насильник стремится расширить зону своего влияния, перенося насильственную манеру общения на взаимоотношения со все более далекими и незнакомыми ему людьми. Поэтому акты насилия становятся все более частыми

и экстремальными. Рост потребности в контроле часто заставляет насильника убивать жертву и идти на изменение установившихся ритуалов насилия.

Адекватных представлений о частоте и типичности ни той, ни другой ситуации общество не имеет. Как правило, оба типа развития отношений и ситуаций насилия встречаются гораздо чаще, чем это представляется «среднему жителю планеты».

Согласно же другому современному подходу к анализу проблемы насилия, все мы являемся в разные моменты нашей жизни жертвами, преследователями и спасителями. Речь, прежде всего, идет о феномене манипуляции. Манипуляция рассматривается как способ или совокупность способов поведения манипулятора, направленная на то, чтобы (Доценко Е.Л., 1996, Сатир В., 1992, Шостром Э., 1992 и др.):

- 1) заставить объект манипулирования сделать что-либо, что выгодно и в чем нуждается манипулятор,
- 2) заставить объект манипулирования признать, что сделанное им является результатом его собственного, свободного выбора, нужно ему самому.

Наиболее развернутая характеристика стратегий манипулятивного воздействия на другого человека дана в работах Д. Карнеги (1992, 1993). Таким образом, манипуляция,— является неосознанным насилием. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что описывая достоинства предложенных им методов эффективного взаимодействия с людьми, он, однако отмечает: «манипулятор должен» казаться веселым и довольным, стараться завоевать внимание и благосклонность других людей и т.д. Несоблюдение этих требований служит потенциальным источником агрессии и насилия. Круг замкнулся: соблюдаем или не соблюдаем мы правила общения, выделенные Д. Карнеги, мы всегда оказываемся перед проблемой насилия.

Очень часто практически все содержание делового и межличностного контакта образовано манипуляциями или их попытками. Однако истинное общение, независимо от того, является ли оно межличностным или деловым, манипуляций не предполагает. Нарушения

общения связаны с попытками «неумелой» реализации в ходе того или иного взаимодействия норм другого. Манипуляция в деловом общении нередко предполагает обращение к личным взаимоотношениям и особенностям «объекта». Манипуляция в межличностном общении — попытку выхода за пределы ситуации и апелляция к социальным (в том числе профессиональным) нормам.

Ситуация насилия (или попытка) насилия в деловом и межличностном общении возникает, если перефразировать Ж. Лакана (Lacan J., 1996):

- 1) когда говорят не с Вами (как человеком и/или профессионалом),
- 2) когда говорят не о себе (как человеке и/или профессионале).

Идеи манипуляция как насильственного взаимодействия в их наиболее чистом и кристаллизованном виде мы встречаем в идеологии и психологии фашизма. Самый глубокий «фашизм заключается в том, чтобы заставить говорить». Манипулятор имеет тенденцию и склонность подменять ваш голос своим голосом, заставлять вас произносить фразы, которые вы произносить, не только не хотите, но которые просто-напросто не являются вашими (Барт Р., 1993, 1995, Бахтин М.М., 1969, Франкл В., 1990, Фромм Э., 1993, 1994 и др.). В этой ситуации жертве важно знать одно самоочевидное, но потому и редко осознаваемое правило: «когда вам с кем-то рядом становится плохо, это не значит, что проблемы и недостатки, которые он старается приписать вам действительно ваши. Скорее наоборот. Помощь и психологическая поддержка требуются не вам, а именно тому, с кем рядом вам становится плохо».

Рядом с действительно счастливыми и уравновешенными людьми мы чувствуем себя также свободно, спокойно и счастливо. Именно этот ключ может помочь решить, например, описанные выше дилеммы «новых русских». Он же является довольно опасным орудием борьбы с людьми, унижающими и оскорбляющими достоинство других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. — М.: МГУ, 1990. — 240с.
2. Антонян Ю.М., Голубков В. П., Кудряков Ю. Н. Изнасилование: причины и предупреждение. — М.: Юридлит, 1990. — 210с.
3. Бекоева Д. Д. Психология отклоняющегося поведения детей и подростков (учебное пособие). — Москва, МГУ, 1997 г. — 192 с.
4. Брутман В.И., Варга А. Я., Родионова М. С., Исупова О. Г. Девиантное материнское поведение. — // Моск. психотерапевт. журн.. — 1996. — 4. — С. 81–98.
5. Васильев В. Л. Юридическая психология. — М.: Юридлит, 1991. — 350с.
6. Корнелиус Х., Фейр Ш. Выиграть может каждый. — М.: Стрингер, 1992. — 216с.
7. Кравцова О.А. О психологических последствиях сексуального насилия. // Вестник МГУ, сер.14. Психология. — 1999. — № 2. — С. 80–91.

8. Криминалистика. Учебник. / Под Ред И.Ф. Панталеева, Н. А. Селиванова. — М.: Юридлит, 1993. — 592с.
9. Лебедев Б.А., Дунаевский В. В. Алкоголь и семьи. — Л.: Медицина, 1986. — 128с.
10. Меньшикова Е. С. Жестокое обращение с детьми и его возможные отдаленные последствия. // Психол. журн. — 1993. — № 6. — С. 110–118.
11. Некрасов С.В., Возилкин И. В. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. -Свердловск: Изд-во УУ,1991. — 168с.
12. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. — М.: Б.С.К., 1997. — 195с.
13. Ташева А.И., Зеленская С. Ю. Насилие в алкогольной семье. // Психологический вестник РГУ. Ростов-на-Дону: РГУ, 1996. — Вып. 1. Часть 2. -С.52–63.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. -М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — М.: Республика, 1994. — 480с.
16. Florence W. Children who sue parents: a new form of family homicide?// Journal of Marital and Family Therapy 1990, Vol. 16, No. 2, 151–163
17. Janoff-Bulman R. Assumptive Worlds and the stress of traumatic events.// Social Cognition. — 1989. — V.7. — № 2. — P. 135–146.
18. Kerrie J., MacKinnon L. The «incestuous family» revisited: a critical analysis of family therapy myths. // J. of Marital and Family Therapy. — 1990. Vol. 16. No. 1, 71–88
19. Trepper T.S., Barrett M. J. Treating incest: A multimodal systems perspective. New York: Haworth Press, 1986, — 126 p.

© Арпентьева Мариям Равильевна (mariam_rav@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского